

II. Самосотворение: литература, коммерция, политика

Алексей Холиков

«Автобиографическая заметка» и стратегия самосотворения во втором прижизненном «Полном собрании сочинений» Д.С. Мережковского

Вопрос о том, как первично-жизненные явления, которые представляют духовно-биографический опыт творца, присутствуют в текстах, составивших второе прижизненное «Полное собрание сочинений» Д.С. Мережковского в 24 тт. (Москва: Типография Т-ва И.Д. Сытина, 1914, далее – ППСС-2), не противоречит исследовательским установкам самого писателя. И хотя из письма к М.Л. Гофману (НИОР РГБ, ф. 386, к. 94, ед. хр. 46, л. 1-2) известно, что Мережковский не верил в прижизненные биографии, а лучшей автобиографией считал собственные произведения¹, «Автобиографическая заметка» (далее – АЗ) более чем органично смотрится в конце XXIV т., заключающего ППСС-2. Вышедшее незадолго до этого первое прижизненное «Полное собрание сочинений» в 17 тт. (Санкт-Петербург; Москва: Издание Т-ва М.О. Вольф, 1911–1913, далее – ППСС-1) содержит критико-биографический очерк М.А. Лятского, из которого читатель узнает об обыкновении писателя никому не давать хотя бы кратчайших биографических сведений о себе.

Изначально АЗ предназначалась для издания «Русская литература XX века (1890–1910)» (под редакцией С.А. Венгерова), но впервые была опубликована в газете «Русское слово» (1913, № 65, 19 марта). В этом поступке прежде всего сказался практицизм Мережковского, который сотрудничал с «Русским словом» и получал за свои публикации неплохой гонорар. Однако в результате случилось непредвиденное. Из письма Мережковского к Ф.И. Благову от 26 марта (7 апреля) 1913 г. узнаем: «Я поставил условием и Вам это сообщил, конечно, В.А. Руманов, чтобы „Автобиографическая Заметка” пошла не очередным фельетоном за моею подписью, а в виде сообщения от редакции и с оговоркой, что это биография для книги Венгерова. А так вышло *неприлично, нескромно* в высшей степени. И даже просто смешно. Меня за это будут ругать. А мне и без того достаточно ругани»².

Сегодня можно только догадываться, каким образом Венгерову удалось получить согласие строптивного писателя. С одной стороны, перед нами автобиография, созданная по заказу. С другой стороны, Мережковский не мог не осознавать значимости труда видного ученого и того внимания, которое он привлечет как среди современников, так и потомков.

Что же касается ППСС-2, то в его составе АЗ приобрела еще большую ценность в свете проблемы писательской саморепрезентации и авторской стратегии. В отличие от ППСС-1, которое носило массовый характер (если иметь в виду не только целевую аудиторию, но также качество подготовки текстов и наличие справочного аппарата)³, ППСС-2 готовилось по образцу выпущенного Сытиным посмертного «Полного собрания сочинений» Л.Н. Толстого. Оно тоже состояло из 24 тт. (журнал «Библиотека „Русского слова”» был двухнедельный) и практически полностью повторяло структуру научно-справочного аппарата толстовского собрания. Это тем более интересно, что несколькими годами раньше появилась статья «Кому быть преемником Толстого?» (1910) Лукиана Сильного (псевдоним С.Ф. Либровича), завершавшаяся словами: «В Западной Европе уже оценили Мережковского: его „Леонардо да Винчи” стал классической книгой современной литературы, о нем пишутся бесконечные статьи и исследования. У нас, в России, Мережковский пока популярен только в избранных кругах. Но несомненно недалеко то

¹ Холиков, Алексей. Дмитрий Мережковский: Из жизни до эмиграции: 1865–1919. Санкт-Петербург: Алетей, 2010, с. 124.

² Мережковский, Дмитрий. Письмо Ф.И. Благову. 26 марта (7 апреля) 1913 г. // НИОР РГБ, ф. 259, к. 17, ед. хр. 12, л. 8-9.

³ Холиков, Алексей. Принципы научного изучения прижизненных полных собраний сочинений русских писателей // Филологические науки, 2011, № 3, с. 15-25.

время, когда за ним признают звание великого писателя, первого после Толстого <...>⁴. По смелому суждению автора, Мережковскому по праву должно принадлежать освободившееся после смерти Толстого «царское место в русской литературе, он один, если и не заменит великого творца „Анны Карениной”, то с достоинством будет занимать тот престол, на котором восседал Толстой»⁵. Данное утверждение не покажется чересчур преувеличенным, если мы сравним его с анализом публиковавшихся отчетов 10 городских библиотек за 1909–1914 гг. из различных регионов страны, который «позволил выявить наиболее читаемых авторов: самый популярный – Л.Н. Толстой», в «числе активно читаемых» – Мережковский⁶. Стоит ли после этого удивляться, что в серии «Библиотека „Русского слова”» вышли полные собрания сочинений только двух писателей: Льва Толстого и Мережковского. Известно, правда, что Сытин собирался следом издать полное собрание сочинений Горького, однако «печататься в одной серии с Мережковским Горький не захотел»⁷.

Типологически ППСС-2 носит научно-массовый (несмотря на некоторые погрешности: ошибки, опечатки, неточности) характер⁸. Но если полные собрания сочинений как вид издания представлены всеми известными типами (академическим, научным, научно-массовым, массовым), то вопрос о том, могут ли *прижизненные* издания полных собраний сочинений считаться в подлинном смысле слова научными (и даже научно-массовыми), остается дискуссионным. При этом, какой бы смысл мы ни вкладывали сегодня в понятия «научное» или «научно-массовое» издание, не только для нас, но и для самого Мережковского второе собрание сочинений качественно, уровнем и масштабом подготовки, отличалось от первого, и решение о его выпуске (уже через год после выхода ППСС-1) может рассматриваться как часть авторской стратегии под названием «Классик при жизни»⁹.

***

Расхождения между газетной публикацией и текстом, вошедшим в «Русскую литературу XX века (1890–1910)» (Москва: Изд-во Товарищества «Мир», 1914–1918), незначительны и обусловлены, судя по всему, редакторской правкой Венгерова.

Русское слово, 1913, № 65, 19 марта	Русская литература XX века (1890–1910)
«Нас всех пригласили в известное здание у <i>Полицейского моста</i> <...>»	«<...> у <i>Цепного моста</i> <...>»
«Помню крошечную квартирку на <i>Колокольной</i> <...>»	«<...> в <i>Кузнечном переулке</i> <...>»
«В это время в <i>студенческом историческом обществе</i> (кажется, оно так называлось?) <...>»	«<...> в <i>студенческом “Научно-литературном обществе”</i> <...>»

В составе ППСС-2 воспроизведен вариант из «Русского слова». К счастью, сохранилась еще и рукопись АЗ (РО ИРЛИ, ф. 177, № 24384; датирована автором «Ментона. Февраль 1913 г.»), по которой видно, что Мережковский особое внимание уделял синтаксическим конструкциям и подбору слов. Писатель явно стремился к лаконичности, однако не все сокращения принадлежат ему. Заключительный фрагмент изъят цензурой: «В Париже я сблизился с русскими эмигрантами-революционерами. Мне казалось и теперь мне кажется, что это лучшие русские люди, каких я встречал за всю мою жизнь. Сближение наше произошло на почве не только общественной, но и религиозной. Здесь я увидел воочию, как бы осязал

⁴ Сильный, Лукиан. Кому быть преемником Толстого? // Вестник литературы, 1910, № 12, стб. 329-330; стб. 330.

⁵ Там же, стб. 329.

⁶ Книга в России, 1895–1917. Под общ. ред. Ирины Фроловой. Санкт-Петербург: Российская национальная библиотека, 2008, с. 639.

⁷ Динерштейн, Ефим. Иван Дмитриевич Сытин и его дело. Москва: Московские учебники, 2003, с. 203.

⁸ Холиков, Алексей. Полные собрания сочинений русских писателей: вопросы истории и типологии // Обсерватория культуры, 2011, № 2, с. 116-123; Холиков, Алексей. «Полное собрание сочинений русских писателей: вопросы истории и типологии». Приложение к статье // Обсерватория культуры, 2011, № 3, с. 126-127.

⁹ Холиков, Алексей. Историко-функциональный подход к изучению прижизненных полных собраний сочинений Д.С. Мережковского // Филологические науки, 2014, № 5, с. 84-92.

руками, связь русской революции с религией. В схождении с ними я пережил то, что потом часто высказывал, возможность новой религиозной общественности, глубочайшую связь русского освобождения с религиозными судьбами России»¹⁰.

Реконструируем по тому же автографу самые важные пассажи, не вошедшие в опубликованный текст, и укажем на некоторые значимые расхождения с черновиком. Для обозначения зачеркнутого (или опущенного) Мережковским используются квадратные скобки. Не входящие в них части цитаты приводятся по ППСС-2¹¹.

«<...> помню, как мы катались на лодке, разводили костры на песчаных отмелях Крестовского острова, пекли картофель и опять чувствовали себя „дикими“. [Когда я впоследствии читал у Руссо о возвращении людей в первобытное состояние, я всегда вспоминал Елагин остров. Бедная природа его останется милою, – чем беднее, тем милее. Она вся родная: я ее не променяю ни на какие роскоши чужих земель]» (л. 4. Восстановленный фрагмент содержит множество авторских исправлений стилистического характера).
«Зимой мы жили в старом-престаром, еще петровских времен, Бауеровом доме, на углу Невы и Фонтанки, у Прачешного моста, против Летнего Сада[: это и по сейчас мое любимое место в Петербурге;] <...>» (л. 4).
«Но, угрюмый, ожесточенный тяжелой чиновничьей лямкой времен николаевских, он не сумел устроить семьи. [Мы больше боялись его, чем любили]» (л. 5).
«В детстве жили мы довольно дружно, но затем разошлись, потому что настоящей духовной связи, всегда от отца идущей, между нами не было. [Теперь мы даже почти не видимся, как чужие друг другу; не то что бы поссорились, а так – уж очень разные. Отец только и думал о семье, только и жил для нее, но семьи не вышло. В этом была трагедия жизни его и не он один виноват, а мы все тоже]» (л. 6).
«Учителя – карьеристы. Никого из них добром помянуть не могу, кроме латинского учителя Кесслера, автора известной грамматики; он тоже добра нам не делал, но, по крайней мере, смотрел на нас глазами добрыми. [Мне казалось, что благородный, честный, прямой и простой, он сам похож на древнего римлянина]» (л. 7).
«В последних классах гимназии я увлекался Мольером и составил из своих товарищей „мольеровский кружок“, собиравшийся у меня на квартире]» (л. 10).
«Кажется, в 1879 г., когда мне было лет 14, он повез меня в Алупку, к 70-летней старухе гр. Елисавете Ксаверьевне Воронцовой. [Она говорила мне о Пушкине]» (л. 11).
«В студенческие годы я очень увлекался позитивной философией – Спенсером, Контом, Миллем, Дарвином. Но, с детства религиозный, смутно чувствовал ее недостаточность, искал, не находил и безвыходно мучился. [Я сделался глубочайшим пессимистом. Жизнь казалась мне бессмысленной. Ниоткуда не было ни совета, ни помощи]» (л. 14).
«Н.К. Михайловский имел на меня большое влияние не только своими сочинениями, которыми я зачитывался, но и своею благородною личностью. [Хотя высокомерным холодком повевало от него, но это мне тоже нравилось: он казался мне недоступным героем, рыцарем без страха и упрека, маркизом Позою]» (л. 15).
«Я ездил в Чудово к Глебу Ивановичу и проговорил с ним всю ночь напролет о том, что тогда занимало меня больше всего, – о религиозном смысле жизни. [Меня и удивило и огорчило, что он не верит в Бога; я только потом понял, что, вопреки своему неверию, он – человек религиозный в высшей степени]» (л. 15–16).
«Только что тогда появившаяся рукописная “Исповедь” Толстого произвела на меня впечатление огромное. [Я ведь все это и сам переживал, конечно, в соответственно малом виде]» (л. 16).
«По окончании университета я уехал летом на Кавказ, встретился там случайно в Боржоме с З.Н. Гиппиус, очень скоро сделал ей предложение[, хотя она в это время была влюблена в другого,] <...>» (л. 17–18).
«Я ездил хлопотать за них к покойному митрополиту Антонию. Он отказал, ссылаясь на свою

¹⁰ Мережковский, Дмитрий. Автобиографическая заметка. Февраль 1913 г. // РО ИРЛИ, ф. 177, № 24384, л. 22-23.

¹¹ Мережковский, Дмитрий. Автобиографическая заметка // Он же. Полное собрание сочинений в 24 тт. Т. XXIV. Москва: Типография Т-ва И.Д. Сытина, 1914, с. 107-116.

подчиненность светским властям [и утешая меня довольно пустыми либеральными фразами, которые в сущности значили: „Бог подаст, а с нас не взыщите”]» (л. 20).

«– А мне говорили, что вы меня не любите. Очень рад, что это не так[, но я вас всегда любил, как писателя...]» (л. 21).

«Я тогда уже смутно чувствовал, что в моей книге был не совсем справедлив к нему, и что, несмотря на глубочайшие умственные расхождения, Толстой мне все-таки [сердечно, религиозно] ближе, роднее Достоевского» (л. 21).

«Оправдали только по счастливой случайности[, так как в это ж время вышла книга в. кн. Николая Михайловича “Александр Г”]» (л. 22 об.).

***

То, как сведения, представленные в автобиографии писателя, можно рассматривать в качестве источника и контекста всего ППСС-2, мы уже показывали подробно в одной из работ¹², привлекая при необходимости другие биографические факты. Не менее важно было также остановиться на некоторых событиях и лицах эмпирической действительности, которые не вошли в АЗ, но преломились в произведениях, составивших второе прижизненное собрание сочинений¹³. Однако, чтобы рельефнее представить специфику АЗ в составе ППСС-2, целесообразно сопоставить ее с критико-биографическим очерком Лятского, выполняющим аналогичную функцию в ППСС-1. При этом следует помнить, что текст Лятского написан раньше (1912) и относится к другому жанру.

Первое, что обращает на себя внимание, совпадения в изложении основных фактов творчества (поэтический дебют; «Символы»; переводы античных трагедий; критические статьи; «Юлиан Отступник»; «Леонардо да Винчи»; «Петр и Алексей»; «Л. Толстой и Достоевский»; «Павел I»; «Александр I»; непонимание со стороны критиков) и жизни (рождение; детство в родительском доме с его «казенным духом»; гимназические годы и непохожесть на сверстников, с которыми будущий писатель сходилась мало; университет; путешествия в Крым, вглубь России, по Европе; особая любовь к южной природе и морю; дружба с Надсоном; знакомство с Гиппиус в Боржоме и женитьба на ней в Тифлисе; организация Религиозно-философских собраний и журнала «Новый путь»). Совпадения эти не случайны еще и потому, что источником многих биографических сведений служит творчество Мережковского. Не только Лятский в своем критико-биографическом очерке, но и Мережковский в АЗ выстраивает факты, ориентируясь на их представленность в «Старинных октавах», «Вере», других произведениях. Но если Лятский делает это вынужденно (за скудностью источников) и прямо признается (например: «О дошкольном детстве Мережковского можно судить по тем отрывочным автобиографическим сведениям, которые встречаются в его поэме – „Старинные октавы”»¹⁴; «То, что с особенной силой толкало Мережковского на поиски новой истины, он, по мнению некоторых критиков, высказывает устами одного из героев своего романа „Леонардо да Винчи” – Макиавелли»¹⁵), то Мережковский, судя по всему, сознательно согласовывает автобиографический и художественный тексты, следуя символистскому принципу житнетворчества и реализуя собственный тезис о том, что лучшая из автобиографий – произведения писателя.

Не менее важно в этой связи обратиться к несовпадениям фактов в текстах Лятского и Мережковского, ибо известно, что «по разным причинам автор может также умалчивать о каких-то событиях своей жизни»¹⁶. Здесь мы опускаем расхождения в тех или иных датах,

¹² Холиков, Алексей. Прижизненное полное собрание сочинений Дмитрия Мережковского: Текстология, история литературы, поэтика. Москва; Санкт-Петербург: Нестор-История, 2014, с. 109-263.

¹³ О «значимом отсутствии», важном с точки зрения подготовки реального комментария к текстам Мережковского, см.: Холиков, Алексей. Значимое отсутствие в «Автобиографической заметке» Д.С. Мережковского: из опыта реального комментария к «Полному собранию сочинений» (1914) // Stephanos, 2014, № 8, с. 69-79. Эл. версия: <http://www.stephanos.ru/index.php?cpub=186>. 29.04.2016.

¹⁴ Лятский, Михаил. Дмитрий Сергеевич Мережковский // Мережковский, Дмитрий. Полное собрание сочинений в 17 тт. Т. I. Санкт-Петербург; Москва: Издание Т-ва М.О. Вольф, 1912, с. IV.

¹⁵ Там же, с. IX.

¹⁶ Романова, Галина. Автобиография // Литературная энциклопедия терминов и понятий. Гл. ред. и сост. Александр Николоюкин. Москва: Интелвак, 2003, стб. 16.

вызванные как ошибками Лятского, так и абберацией памяти Мережковского, и сразу же переходим к главному.

Во-первых, в очерке Лятского отсутствуют те биографические подробности и свидетельства о ходе внутреннего развития Мережковского, которые не могли быть известны человеку, добывавшему, по собственному признанию, отрывочные сведения о жизни писателя «окольными путями, опросом товарищей его детства, поисками в журналах и разных изданиях последних десятилетий, начиная с 80-х годов, и т.д.»¹⁷. В то же время некоторые эпизоды представлены Лятским более информативно. С одной стороны, это обусловлено опорой на личные свидетельства знакомых писателя, привносящих новую точку зрения. «Товарищи по гимназии знали, – читаем мы, – что Мережковский пишет стихи, что у него их целые тетради, но сам он крайне неохотно распространялся о своем сочинительстве и только после настоятельных просьб соглашался читать свои произведения на ученических собраниях»¹⁸. С другой стороны, это вызвано наличием аналитических суждений Лятского о творчестве писателя (в соответствии с законами жанра), а также апелляцией к мнению других критиков. «Тем не менее, – пишет он в заключение очерка, – Мережковский далеко еще не понят критикою, которая не дала ни одного цельного литературного его портрета. Мережковский все еще ждет спокойного, объективного биографа-критика, который осветил бы читателю его личность и определил бы его место среди вождей современной русской общественной мысли и среди лучших современных мастеров русского слова»¹⁹.

Во-вторых, интересно посмотреть не столько на то, что есть и чего нет в тексте Лятского, сколько на то, как распоряжается фактами автобиографии Мережковский, которого невозможно заподозрить в неведении совершенного в жизни и на бумаге. Между тем АЗ отличается существенными умолчаниями по сравнению с критико-биографическим очерком. Если Лятский среди поэтов, которыми в детстве зачитывался Мережковский, называет Пушкина, Лермонтова, Тютчева, Майкова, то сам писатель к числу образцов для подражания относит только Пушкина. К его жизненному и творческому пути он обращался неоднократно. Критический очерк о Пушкине, написанный для сборника П.П. Перцова «Философские течения русской поэзии» (1896), в переработанном виде вошел в «Вечные спутники» (1897; см. также более поздние статьи «Праздник Пушкина», 1899; «Пушкин с нами», 1926; «Мудрость Пушкина», 1937). С апелляции к поэту начинается исследование «Л. Толстой и Достоевский». Даже в художественном творчестве, на страницах романа «Александр I», герои Мережковского горячо спорят о Пушкине²⁰. Однако в ранние годы, описанные в АЗ, Мережковский в гораздо большей степени находился под влиянием поэзии Лермонтова: «Пушкина я тогда не любил: он был для меня взрослый; Лермонтов такой же ребенок, как я»²¹. В «Старинных октавах», как и в АЗ, источником юношеских подражаний называется лишь один поэт: «Я Пушкину бесстыдно подражал, / Но, ослеплен туманом романтизма, / В Онегине я только рифм искал: / Нужна была мне сказочная призма – / Луна и пурпур зорь, и груды скал; / Мятажный Пушкин, полный байронизма / И пышных грез, мне нравился тогда, / Каким он был в двадцатые года»²².

Далее Мережковский, в отличие от Лятского, совершенно «забывает» о выходе своего первого поэтического сборника «Стихотворения» (1888) и не акцентирует внимание на втором романе из трилогии «Христос и Антихрист», который имел «особенный успех»²³. И это неслучайно. В АЗ содержится любопытный пассаж: «В эти годы я много путешествовал. Долго жил в Италии, в Риме, во Флоренции, а также в Таормине, в Сицилии; побывал в Афинах и в Константинополе. Тогда же издал второй сборник критических статей „Вечные спутники“».

¹⁷ Лятский, Михаил. Дмитрий Сергеевич Мережковский // Мережковский, Дмитрий. Полное собрание сочинений в 17 тт. Т. I, с. IV.

¹⁸ Там же, с. V.

¹⁹ Там же, с. XI.

²⁰ Мережковский, Дмитрий. Александр I // Он же. Полное собрание сочинений в 24 тт. Т. VI, с. 241-243.

²¹ Мережковский, Дмитрий. М.Ю. Лермонтов. Поэт сверхчеловечества // Он же. Полное собрание сочинений в 24 тт. Т. XVI, с. 159-160.

²² Мережковский, Дмитрий. Старинные октавы // Он же. Полное собрание сочинений в 24 тт. Т. XXIV, с. 68.

²³ Лятский, Михаил. Дмитрий Сергеевич Мережковский // Мережковский, Дмитрий. Полное собрание сочинений в 17 тт. Т. I, с. VII.

Переводил античные трагедии»²⁴. Говоря «тогда же», Мережковский «вырезает» из собственной жизни около 5 лет, поскольку сборник «Вечные спутники» относится к 1897 г. (в действительности книга была опубликована в ноябре 1896-го). Скорее всего, это связано с нежеланием писателя вспоминать о собственном увлечении декадентством, которое частично воплотилось в романах о Юлиане Отступнике и Леонардо да Винчи и более явно – в сборнике «Новые стихотворения» (1896), о котором в АЗ также не упоминается. «Вообще, – пишет Мережковский Андрею Белому в 1904 г., – в последнее время мы все больше чувствуем, что совершается разделение, меч ложится между нами и „декадентством“. Мы ближе к либералам, демократам („идеалистам“). Они гораздо искреннее и глубже задеты религией, чем декаденты. Тут какие-то старые мосты ломаются, а новые мосты строятся»²⁵. Стоит напомнить, что репутация декадента закрепилась за Мережковским еще в середине 1890-х гг. В пародии С.Я. Уколова «декадент Треплев» говорит: «Ну что? Каково? А? Какую пьеску-то я смастерил? О том, что будет с душой Комиссаржевской через двести тысяч лет! Ого! Правда, за эту пьесу меня таскали на освидетельствование к доктору Чеготту, но все-таки пьеса написана в самом декадентском духе и Мережковский поцеловал меня»²⁶.

***

Думается, что указанные лакуны в совокупности с фактами, отсутствующими в критико-биографическом очерке, обусловлены не только стремлением к краткости, на которое сослался Мережковский в АЗ, но и желанием выстроить свой жизненный и творческий путь, исходя из собственных представлений, сложившихся к 1913 г. Согласно *версии* Мережковского (словосочетание «автобиографический миф» неуместно в данном контексте²⁷), у читателя должен сложиться вполне определенный портрет личности писателя. Вглядимся в него.

На страницах АЗ Мережковский предстает человеком, сформировавшимся вопреки среде и «удушающей» атмосфере времени на почве мировой литературы («Слово о полку Игореве», Майн Рид, Купер, Бодлер, Э. По); ведущим свою поэтическую генеалогию от самого Пушкина (что усиливается воспоминанием о том, как ему посчастливилось в 14 лет «поцеловать ту руку, которую полвека назад целовал Пушкин»²⁸); «рукопожатым» Достоевским незадолго до его смерти; с молодых ногтей общавшимся с лучшими литераторами России (Гаршиным, Гончаровым, Короленко, Майковым, Михайловским, Плещеевым, Полонским, Салтыковым-Щедринным, Успенским); едва ли не первым, кто оценил талант начинающего Чехова; с детства религиозным (хотя из воспоминаний Гиппиус известно обратное); преодолевшим позитивизм и народничество; увлекавшимся «не декадентством, а символизмом»²⁹ и «раньше всех»³⁰ в русской литературе употребившим слово «символы» (неслучайно Мережковский из всех своих поэтических книг упоминает только вторую); оригинальным, идущим от жизни мыслителем (вопреки расхожим обвинениям в «схематичности» и «книжности»)³¹; пересмотревшим

²⁴ Мережковский, Дмитрий. Автобиографическая заметка // Он же. Полное собрание сочинений в 24 тт. Т. XXIV, с. 114.

²⁵ «Боря, Боря, мальчик мой любимый, единственный...»: Письма Д.С. Мережковского Андрею Белому / Вступ. ст., публ. и коммент. Алексея Холикова // Вопросы литературы, 2006, № 1, с. 135-185; с. 152.

²⁶ Цит. по: Собенников, Анатолий. «Чайка» Чехова и «Гроза прошла» Мережковского (к типологии героя-«декадента») // Чеховиана: Чехов и «серебряный век». Отв. ред. Александр Чудаков. Москва: Наука, 1996, с. 195-199; с. 197.

²⁷ Магомедова, Дина. Автобиографический миф // Поэтика: Словарь актуальных терминов и понятий. Гл. науч. ред. Натан Тамарченко. Москва: Издательство Кулагиной; Intrada, 2008, с. 10-11.

²⁸ Мережковский, Дмитрий. Автобиографическая заметка // Он же. Полное собрание сочинений в 24 тт. Т. XXIV, с. 111.

²⁹ Там же, с. 113.

³⁰ Там же.

³¹ Этой критической традиции отдали дань не только современники писателя, но и академические исследователи нашего времени. О «вторичности» и «книжном происхождении» творчества Мережковского, о его «пониженном чувстве жизни» не так давно говорили А.В. Лавров и Е.Д. Толстая. На этом же тезисе зиждется исходное для новой монографии Е.А. Андрущенко предположение, будто Мережковский избегает столкновения с «сырой познавательной-этической жизненной стихией», и, следовательно, «источником его вдохновения была не действительность, не живые люди с их страданиями, слабостями, поступками, а то, как все это пересоздано творческим воображением другого художника» (Андрущенко, Елена. Властелин «чужого»: текстология и проблемы поэтики Д.С. Мережковского. Москва: Водолей, 2012, с. 6-7, 129). Образно эта идея воплощена с помощью

отношение к Толстому (после жесткой критики которого за Мережковским закрепился ярлык «Иудушки новейшей формации»³², поддержавшего «отлучение»³³); революционно настроенным по отношению к официальной церкви и «старому порядку в России»³⁴. Мережковский умело орудует фактами, в достоверности которых нельзя усомниться³⁵, «забывает» одни и вспоминает другие. Таким его не мог увидеть Лятский, но именно таким писатель хотел выглядеть перед публикой.

В этой связи вспоминаются постановочные фотографии Мережковского, которые имеют наибольшее содержательное сходство с его саморепрезентацией в АЗ³⁶ и на страницах всего ППСС-2, ибо в обоих случаях перед нами – «правда инсценировки». Р. Барт в своей книге о фотографии признавался: «<...> как только я чувствую, что попадаю в объектив, все меняется: я конституирую себя в процессе „позирования“, я мгновенно фабрикую себе другое тело, заранее превращая себя в образ»³⁷. В данном контексте из всех фотографических портретов Мережковского примечателен один. Вот как его описывает С.Н. Поварцов: «Писатель снят в своем рабочем кабинете на фоне распятия. Рядом на круглом столе толстый, внушительного вида фолиант, в руках раскрытая книга... Нарочитая символика снимка очевидна. Камера безымянного фотографа красноречиво напоминает о специфическом характере литературно-общественной деятельности Мережковского – проповедника неохристианства, ревнителя „нового религиозного сознания“. Есть в этой фотографии нечто театральное, почти оскорбительное для эстетического чувства, но документальная ценность ее бесспорна»³⁸. Перед нами портрет-инсценировка. И поза задумавшегося о судьбах мира мыслителя, и весь антураж, воссоздающий атмосферу домашней церкви, в полной мере отражают притязания самого Мережковского на роль идеолога «нового религиозного сознания». Об этом же снимке рассуждает А.П. Чудаков: «Самая известная фотография Мережковского – он в своем кабинете на фоне огромного распятия. Чехов скорее бы умер, чем позволил опубликовать свой портрет, где он, скажем, запечатлен с пером в руке или на фоне антихолерной листовки, хотя придавал большое значение своей медицинской работе на холерном участке»³⁹. Обстановка, окружавшая Мережковского, воспринималась как продолжение личности писателя не только его потомками, но и современниками. В мемуарах Белого встречаем любопытное наблюдение: «Комната в „Славянском базаре“ – в кирпично-коричневом тоне: в таком, как обертки всех книг Мережковского; мебель – коричневая; Мережковский связался с коричневым цветом –

иллюстрации на титульном листе, где от известной фотографии, представляющей писателя на фоне книжного шкафа, остается безликий силуэт и стена книг.

³² Булгаков, Сергей. Письма из России // Он же. От марксизма к идеализму. Статьи и рецензии. 1895–1903. Москва: Астрель, 2006, с. 362.

³³ Ср. цитату из дневника С.П. Каблукова: «На улице В. Усп[енский] высказывает мысль, что толчком для Синодск[ого] отлучения были выкрики Мережк[овского] в его книге Л.Т. и Д.: „почему Церковь молчит?“» (цит. по: Ермичев, Александр. Религиозно-философское общество в Петербурге (1907–1917): Хроника заседаний. Санкт-Петербург: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2007, с. 104). Хотя непосредственно таких «выкриков» в указанной книге Мережковского нет, высказанное мнение довольно показательное.

³⁴ Мережковский, Дмитрий. Автобиографическая заметка // Он же. Полное собрание сочинений в 24 тт. Т. XXIV, с. 115.

³⁵ Однако, строго говоря, правдивость некоторых сведений все-таки вызывает сомнения. Впервые на это обратил внимание М.Д. Эльзон в связи с АЗ: «Отмечу только избирательность памяти 50-летнего мемуариста – он запомнил слова Ф.М. Достоевского, цвет его глаз, его прощальный (предсмертно-напутственный?) взгляд, прощальное пожатие руки – и забыл, что встреча с автором „Братьев Карамазовых“ произошла в доме „в Кузнечном переулке“ (это явно поправка С.А. Венгерова), что видеть укутавшегося в плед М.Е. Салтыкова-Щедрина он мог только в его квартире (редакция журнала помещалась в другом доме) либо... на известной фотографии, выполненной Л.Ф. Пантелеевым в 1888 году. Он мог, наконец, забыть, что в первом письме к А.Г. Достоевской (20 декабря 1902 года), называя себя и свое окружение „духовными детьми“ ее покойного мужа, он не напомнил о встрече более чем двадцатилетней давности» (Эльзон, Михаил. «В литературе известен такой случай...» (Н.С. Лесков против... Д.С. Мережковского) // Русская литература, 1995, № 4, с. 156-159; с. 157).

³⁶ Холиков, Алексей. Трансформация памяти о писателе на пересечении словесного и визуального «пространств» // Автобиография. Padova, № 2, 2013, р. 73-87. Эл. версия: <http://www.avtobiografija.com/article/view/31/24>. 29.04.2016.

³⁷ Барт, Ролан. Camera lucida: Комментарий к фотографии / Пер. с фр., послесл. и коммент. Михаила Рыклина. Москва: Ад Маргинем Пресс, 2011, с. 27.

³⁸ Поварцов, Сергей. Траектория падения (о литературно-эстетических концепциях Д. Мережковского) // Вопросы литературы, 1986, № 11, с. 153-191; с. 160.

³⁹ Чудаков, Александр. Чехов и Мережковский: два типа художественно-философского сознания // Чеховиана: Чехов и «серебряный век», с. 62.

обой, пиджака, бороды и оберток томов <...>⁴⁰. Кстати, обложки томов ППСС-2 действительно были коричневыми и даже в этом, если развивать мысль Белого, соответствовали облику, принятому самим Мережковским.

В заключение отметим, что не только теоретически, но и практически возникает необходимость сравнить *автопортрет* (индивидуальность авторского самовыражения через ППСС-2) с *портретом* того же писателя, но сделанным без его участия. Речь в данном случае должна идти о посмертном научном собрании сочинений Мережковского, подготовка которого уже ведется.

Примечания:

АЗ – «Автобиографическая заметка» Д.С. Мережковского.

НИОР РГБ – Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки.

ППСС-1 – первое прижизненное «Полное собрание сочинений» Д.С. Мережковского (1911–1913).

ППСС-2 – второе прижизненное «Полное собрание сочинений» Д.С. Мережковского (1914).

РО ИРЛИ – Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинского Дома) РАН.

Alexey Kholikov: “Autobiographical note” and the self-creation strategy in D.S. Merezhkovsky’s second “Complete Works” published during his life

The article presents the history of “Autobiographical note” of D.S. Merezhkovsky. The researcher compares the published versions of the text. According to the draft manuscript he reconstructs the most significant passages that are not included in the final text. The “Autobiographical note” is perceived in the context of the 24-volume edition and it is important not only to create a real commentary on the works of Merezhkovsky, but also explore the question of his self-representation and the author's strategy.

Key words: D.S. Merezhkovsky, autobiography, sources of the text, real commentary, complete works of a writer published during his life.

---

⁴⁰ Белый, Андрей. Начало века. Воспоминания в 3 книгах. Кн. II. Москва: Худож. лит., 1990, с. 211.